

«ПОЛИСЕКСУАЛЬНЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ» В ОЦЕНКЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Сексуальность как данная человеку природой ипостась его личности, сфера чувственности в целом на протяжении веков претерпевала известную трансформацию, соответствовавшую менявшимся в обществе религиозным, моральным, социальным нормам. В самом общем плане ее можно определить как тенденцию к окультуриванию (насколько это возможно) сексуально-эротических импульсов и половых влечений, включению в сферу сексуальности и духовно-нравственных параметров, призванных обуздывать темные, иррациональные проявления бессознательного, распространяемые и на эту сферу. Данный процесс включал в себя и определенные религиозные, этические, даже медицинские запреты, в одних случаях воспринимавшиеся как оправданные (когда, например, в Европе XVI в. разразилась пандемия сифилиса, каковой еще не умели по-настоящему лечить), в других — нет (если они противоречили самой природе человека, навязывая монастырские нравы, давали гендерные преимущества одним, лишая их других). Движение в сторону демократизации, характерное для XX в. (правда, неотделимое от процесса массоизации), постепенно привело к т. наз. «демократизации сексуальности» (А. Секацкий) (также неотъемлемой от ее массоизации), прежде всего — в постиндустриальных обществах Запада, предлагающих свой образ жизни в качестве образца. «Вслед за успешной сексуальной революцией на повестку дня встала бисексуальная, а затем и асексуальная...» [4, с. 187] (=киберсексуальная); едва ли не все табу были ниспровергнуты, сексуальность во всех ее проявлениях становится транспарентной (=прозрачной), публичной, сфера «реформированной чувственности» «освобождается от перверсивности, преимущественно за счет легитимизации большинства отклонений...» [4, с. 184]. Всё это трактуется как большое достижение — освобождение либидо и, следовательно, самого человека, каковому будто бы «все разрешено», и он должен быть безумно счастлив. «...Диссертации типа “Женский оргазм как модель постиндустриального общества” встречаются, пожалуй, даже чаще, чем исследования, посвященные различным аспектам познаваемости мира» [4, с. 180],— свидетельствует (видимо, посмеиваясь про себя) А. Секацкий. Кое-какие успехи действительно есть: большая степень сексуальной образованности, идущее перераспределение гендерных ролей, признание прав сексуальных меньшинств, хотя проявились и тревожные симптомы, как правило, старательно замалчиваемые.

Обратившийся к данным проблемам в романах «S.N.U.F.F» (2012), «Любовь к трем цукербринам» (2014), в рассказе «Акико» (2003) В. Пелевин

выявляет и обратную сторону медали и приходит к выводам: приобретения здесь минимальны по сравнению с огромными минусами, главные из которых — автоматизация и деэротизация секса, легализация его искусственных суррогатов, рост секс-аномалий, примитивизация человеческих душ, размывание границы между естественным и противоестественным, истощение сексуальной почвы для воспроизводства жизни. Под предлогом, что либидо ранее угнеталось, а теперь освободилось, в привлекательной рекламной упаковке подается «великий блуд», «содомус». Пропагандируется «полисексуальный мультикультурализм», трактуемый весьма произвольно и нередко в виде отстаивания внеэтичной сексуальной свободы, навязывания гетеросексуальному большинству норм сексуальных меньшинств. Внедряется представление, что нуклеарная семья устарела, является пережитком индустриального общества, отстаивается семья «во всем обилии вариантов возможных форм» [5, с. 333]; имеющий за жизнь менее 10 сексуальных связей признается не востребовавшимся / неполноценным.

В. Пелевин же убеждает в том, что прокламируемое секс-раскрепощение на деле является скрытой формой закрепощения — методичного вдалбливания в голову нового сексуального стандарта как признака «продвинутой», «крутизны» в качестве составной части гламуродискурса. «Новая сексуальность», согласно В. Пелевину, во-первых, — важнейший инструмент управления и манипулирования сознанием и бессознательным людей через СМИ, Интернет, кино-, теле-, видеоряд; во-вторых, — коммерческий продукт, на котором делают немалые деньги, так что одно с другим тесно связано. Для власти секс-индустрия — канал переключения внимания людей с имеющихся в обществе проблем на более для нее безопасные, поскольку «запавший» на рекламируемое часто настолько к нему прикипает, что ни до чего другого ему нет дела. Секс-индустрия стремится к увеличению доходов и, чтобы не потерять потребителей, всё время преподносит новые секс-товары. Романтические образы сексуальности, пишет В. Пелевин, так долго эксплуатировались в коммерческих целях, что поднадоели, и выжать из них деньги всё труднее. Поэтому гораздо более широко, чем раньше, используются разновидности девиантного дискурса, культивируются пороки, аномалии, вплоть до *sadodesperado* (неудержимого садизма). Легальная секс-продукция всё более приближается к порнопродукции, переживающей настоящий бум. Изуродованных (в плане сексуальном), душевно обедненных и нивелирных людей становится больше.

Отношение В. Пелевина к данным явлениям передают окказионализмы со сниженным саркастическим наполнением: «порнозомби», «перверт», «аналокармеец», «зоопидор», «бабувиан», «педофилантропы» и др. Они вызывают смех над той или иной разновидностью секс-зомбирования.

Немало в рассматриваемой сфере жизни спекулятивного, считает В. Пелевин. Например, борьба во второй половине XX века секс-меньшинств за свои права увенчалась победой — нетрадиционная ориентация признана

легитимной, дискриминация по половому признаку запрещена, исповедуется толерантное отношение к не-гетеросексуалам. Однако выяснилось, что равноправия им недостаточно. Писатель отмечает наступательно-агрессивный характер стратегии легализированных секс-меньшинств, утверждающих себя в виде привилегированной касты и стремящихся навязать свои потребности всему человечеству, игнорируя интересы секс-большинства, вытесняя тысячелетиями складывавшиеся культурные нормы, умножая число искусственных иносексуалов, изначально не чувствовавших противоречия между своим телом и сексуальной ориентацией (=зомбированных). Между тем однополый секс исключает деторождение, воспроизводство рода человеческого, то есть (задумываются об этом его приверженцы или нет) направлен против самих основ жизни. Не «съеденные» полностью групповым эгоизмом люди, которым не безразлична судьба человеческого рода, должны бы, казалось, проявить максимум понимания, осторожности, толерантности, дабы не нанести человечеству вред (пусть того намеренно не желая). Этого не происходит — сексуальные меньшинства меняют мир «под себя», и достаточно успешно, но озвучивать какое-либо несогласие с их притязаниями нельзя.

Пелевинское объяснение происходящего содержит используемая писателем аббревиатура «GULAG», даваемая в латиноязычном написании и наделяемая новым значением. В антиутопии «S.N.U.F.F.» «GULAG» — это объединение представителей нетрадиционной сексуальной ориентации, название которого составили первые буквы слов «Gay», «Lesbian», «Animalist», «Gloomy», а «U» — первая буква «Unspecified» / «Unclassified» (означающих уж нечто завершено запредельное в секс-отношениях). «GULAG» — мощнейшая транснациональная мегакорпорация (в пелевинском Бизаунтеоне на втором месте после киномафии), располагающая колоссальными финансовыми ресурсами, медиасетевыми возможностями и не церемонящаяся со своими критиками, буквально растаптывая их репутации, приписывая им всевозможные злостные «фобии». «GULAGовский» дискурс, по словам В. Пелевина, обнесен колючей проволокой (вот в чем сходство с бывшим сибирским ГУЛАГом). Это означает, что секс-меньшинства находятся на особом, привилегированном положении в человеческом сообществе, и какая-либо критика в их адрес и в адрес олигархов, под эгидой которой они находятся, запрещена. Сами же «GULAGовцы» с вышек из пулеметов обстреляют кого захотят: у В. Пелевина они не жертвы, а охранники новый «гендеронавтики» (от слова «гендер» и части слова «космонавтика»; окказионализм отражает размах экспериментов с человеческим телом).

На вопрос: «...Почему мировая олигархия так выпячивает права?» [3, с. 191] всех, не относящихся к гетеросексуалам, в «S.N.U.F.F.» даются разные ответы. Складывается впечатление, что это побуждает делать бизнес, и всевозможные акции по защите прав сексуальных меньшинств на самом деле — род рекламы товара, на котором можно заработать, привлекающей к нему внимание. Остальное — лишь «побочный продукт». Нагнетание же

время от времени «GULAGской» истерии, по-видимому, связано с тем, что полувековая эксплуатация «секс-меньшевистского» фактора в сфере коммерции ведет к его постепенному «выдыханию», и для сохранения и приумножения уровня продаж нужны новые сильнодействующие средства пиара, вербующие новых сторонников — потенциальных потребителей «GULAGовской» секс-продукции. К тому же в сравнении с «анимал-натуралами» облик геев и лесбиянок выглядит более просветленным. В. Пелевин отказывается от их идеализации, используя насмешливые окказионализмы, вкладываемые в уста персонажей: «пед-жоп-бойз», «пидормен», «шабесгей», «Монтигомик» и др., — не потому, конечно, что он против толерантности, а — срывая маски с воротил секс-индустрии и оплачиваемых ими «дискурсомонгеров», умножающих ряды тех, кто не родился геем или лесбиянкой (в том числе для порнорынка и рынка проституции).

Отсутствием привычного расшаркивания перед людьми нетрадиционной сексуальной ориентации, указанием на то, что среди них немало искусственных иносексуалов, и это просто одна из разновидностей зомбированных, В. Пелевин, как представляется, стремится сдержать агрессию курирующих секс-бизнес и даже шутливо провозглашает: «Гейсексуализм излечим!» [2, с. 123] (напрашивается вывод: с помощью независимой литературы). В этом писатель противопоставляет удовлетворенным сообщениям типа: «В 22 штатах США создается организация “Родители геев и лесбиянок”, призванная помочь родителям гомосексуалистов» [5, с. 422]. Иезуитство в том, что нет организации, помогающей самим детям, подвергающимся соответствующей мощнейшей обработке, познакомиться с контраргументами в пользу гетеро-сексуальности, статистикой по СПИДу и тому подобными данными. Борьба родителей за своих детей, еще не вполне определившихся, не приветствуется.

Первостепенную значимость финансового фактора в данном вопросе подтверждает и тот факт, что борьбы за права «гей-пассивистов» (как называет писатель «опущенных» в тюрьмах) «GULAGовцы» не ведут: что взять с безденежных заключенных? А ведь «опущенные» тоже превращены в людей нетрадиционной сексуальной ориентации, правда, навязанной им насильно. Не тем же самым ли, но в цивилизованной по видимости форме занимаются в плане морально-психологическом столпы «GULAGа»? К такому вопросу подводит параллель между названием характеризуемого сообщества и названием печально известной гулаговской системы в СССР. По «опускающим» человечество В. Пелевин наносит ответный удар.

Не проходит писатель и мимо игр с полом, что приводит к появлению окказионализма «трансы», созданного путем сокращения слов «transgender» и «транссексуал». Пелевинские «трансы» — люди, поменявшие пол не хирургическим путем, а через мозговую индукцию и совершившие это как бы будучи в трансе (под зомбирующим гипнозом), не имея настоящей жизненной программы. Вот почему и сменив пол, в главном «трансы» остаются теми же управляемыми Homo Zapiens («переключаемыми

людьми»), какими и были; от несуществующей личности им было отказаться нетрудно, а новую телесная трансформация автоматически не дает.

В пародийном виде изображает В. Пелевин в романе «Любовь к трем цукербринам» такую разновидность сексуальных меньшинств, как зоосексуалы. Они объявляют себя угнетенными (законом и общественной моралью) и, вдохновленные узаконенностью однополых браков, добиваются легализации зоосексуализма и разрешения браков с собаками — сексуальными партнерами. Гротескная фигура такого «анималиста-натурала», копирующего собачьи повадки, демонстрирует, насколько может опуститься человек, отстаивающий позиции «полисексуальной свободы» без этических ограничений.

Вообще, отмечает В. Пелевин, наблюдается тенденция постепенного вытеснения из секс-отношений живого человека в качестве Другого или Другой. Как форма самоудовлетворения популяризируется, например, онанизм. «В США уже более десятка лет существуют курсы мастурбации, где под руководством опытных консультантов проходит обучение получению удовольствия от собственного тела» [4, с. 186]. В. Пелевин в «Числах» упоминает о моральной реабилитации онанизма, «которую Мюс назвала величайшим духовным завоеванием рыночной демократии» [1, с. 63]. Хотя писатель имитирует нейтральность, чувствуется, что его душит смех.

Еще более заметно вытеснение из секса живого партнера в пупаризме, о котором идет речь в антиутопии «S.N.U.F.F.». Пупарасы, или пупасексуалы (от лат. *пура* — кукла), — это люди, использующие в половом акте кукол в человеческий рост — от дешевых резиновых до дорогих биоэлектронных, способных воспроизводить человеческие реакции. Автор дает и простонародный перевод непонятого многим термина — «куклоёбы», саркастически снижая нейтрально-замаскированное его значение. На официальном уровне усилиями «политкорректоров» понятие еще более замаскировано — за пупасексуалами закрепилось обозначение «глуми». Английское слово «*gloomy*» дословно переводится как «унылый», «мрачный», но в романе использовано в переносном, слэнговом значении: «бездарный цирковой клоун, шутки которого не смешны». Однако это скорее оценочная характеристика, а семантический аспект понятия проясняет неявная отсылка к кукле Глуми, концепт которой составила разработка дизайнера Мори Чака под названием *Gloomy Bear*: это мультяшный по виду, гламурный розоватый медведь, но с выдвигающимися когтями и окровавленной пастью, из которой выглядывает кукольная головка девочки, и ее при желании можно оттуда достать. Агрессивность, бесчеловечность здесь замаскирована под невинность. Так что глуми-ориентация вовсе не так безобидна, как может показаться: секс с куклой сублимирует то, что пупарас не может проделывать с живыми людьми. Так что в «глуми» скрыто и русское «глумление» — в том числе это глумление над человеческой природой (в себе). оборот «*gloomy people*» также неявно отсылает к слову «*пура*» нарочито исковерканно прочитанному — как «пипа», созвучному в звуковом отношении со словом «*people*»; он означает людей с

«заглувленными» головами. Наличие в романе окказионализмов «глуми-шопы», «глуми-бордели», «глуми-комьюнити», «глуми-солидарность» подчеркивает распространенность данного явления.

«Если вы пупафобы у вас есть предрассудки на этот счет, это ваши проблемы... Мы веками боролись за свои права — и добились, что сегодня слово “gloomy” пишется через почетную запятую со словом “gay”» [3, с. 51], — заявляет герой романа Демьян-Ландульф Дамилола Карпов (избранная писателем номинация указывает на интернациональный характер пупаризма).

В своей среде «глуми» всё же предпочитают слово «пупарасы», так как в «свободном мире» будущего, рисуемом В. Пелевиным, оно успело утратить оскорбительный оттенок, вызываемый созвучием со словом «пидарасы», но современным ухом улавливается, что опять-таки служит снижению признанного нормальным — разновидностью сексуальных меньшинств.

Сами куклы для утех обозначаются как «сурь» — от церковноанглийского «surrogate wofe» — суррогатная женщина, хотя изготавливаются как женские, так и мужские (для пупарасов-геев) модели сур. «Сурь» предпочитают пупарасами потому, что их можно просто потреблять, производя электронную программную настройку на определенные сексуальные действия и совершенно с секс-куклами не считаясь. Для остроты ощущений «сура» может настраиваться на «существо», капризы, но в любой момент мужчина может ее отключить. Рядом с «сурой» и непривлекательный «глуми» не комплексует по поводу своих физических недостатков. Кроме того, «сура» не стареет, не беременеет, не рождает детей, с которыми много хлопот, а обременять себя пупарас не хочет — только получать удовольствие, ничего не давая взамен. Душевный контакт с «сурой», любовные чувства не предполагаются.

Пупаризм культивирует эгоизм в чистом виде, самодовольство избавленного от каких-либо претензий самца, усиливает фаллоцентризм и презрение к живому — искусственное, сделанное по образцу живого, кажется Дамилоле более совершенным. Всё это сигнализирует об усечении личности индивида, реализующего себя по упрощенной схеме, и перевесе в его психике антибиофильского начала. Не случайно по роду службы Дамилола осуществляет «постановочные» убийства, провоцирует войны.

Целую коллекцию электронных суперкукол мужского рода имеет в романе «Любовь к трем цукербринам» триллиардер Давид-Голиаф Арафат Цукербергер. В отличие от Дамилолы его тянет не к красивому, а к уродливо-безобразному, монструозному, стимулирующему самые садистские сексуальные желания. В саду Цукербергера мраморные беседки, «в каждой из которых двое-трое суров в его вкусе имитировали любовную оргию двадцать четыре часа в сутки» [2, с. 434], — а вдруг во время прогулок он заглянет в одну из них и захочет присоединиться. Финансовая власть персонажа непомерна, но люди ему не нужны — с «сурами» комфортнее: сотворяемое с ними в зримом выражении олицетворяет идею господства.

Предпочтение живому искусственному, по сути, лишаящего секс человеческого измерения, — следующий (после зоосекса) этап отхода от природно-естественного да и одухотворяющего секс. Следующий — но не последний. В рассказе «Акико» В. Пелевин фиксирует появление киберсекса, обходящегося не только без живого человека, но даже без искусственной имитации телесности — детище Интернета, он виртуален. В произведении раскрывается технология заманивания клиента на порносайт и выманивания у него денег взамен на эротические спазмы, даваемые имитацией совокупления с видеорядом. Соблазняющий субъект вытесняется самим соблазном. В «S.N.U.F.F.e» показано, что роль соблазна, вызывающего сексуальное возбуждение и воображаемое совокупление, может играть деривативное порно, замещающее легальное использование детской порнографии: в данном случае воспринимают заснятую на пленку реакцию людей, которые смотрят детское порно, и для сексуального удовлетворения этого оказывается достаточно.

В. Пелевин активно обращается к фантастической условности, проецирует обозначившиеся тенденции в будущее, доводит их до логического конца. Из совокупности написанного им выстраивается ряд: гетеросексуалы — однополые сексуалы — трансгендеры — зоосексуалы — пупасексуалы — киберсексуалы. Данные категории лиц и образуют реальное наполнение понятия «полисексуальный мультикультурализм». Критические размышления писателя убеждают в том, что уравнивать эти категории в ценностном отношении на мультикультурно-плюралистической основе неправомерно: одни из них служат жизни и производству человеческого в человеке, являясь субъекто-образующим фактором; другие подрывают основы жизни и культуры, под видом движения вперед отбрасывают человека к архаическим формам сексуальности, означая ее примитивизацию, ущербность или даже вообще замещают сексуальность ее виртуальным измерением, «как если бы программа самоуничтожения была бы записана в формуле субъекта изначально» [4, с. 187]. Результат, зафиксированный А. Секацким, — усиливающаяся анемия чувственности и нарастающая тенденция к аутизму [4, с. 216], «уплощение» и внутреннее обеднение нивелированного по лекалам «новой сексуальности» человека. Так что тревога В. Пелевина, неприятие писателем опасных экспериментов над сферой секса обоснованы. Тип сексуальной свободы, рассмотренный в его книгах, оказывается формой имплицитного зомбирования людей и имеет денежный эквивалент, обеспечивающий процветание секс-индустрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пелевин, В. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Избранные произведения. — М., 2003.
2. Пелевин, В. Любовь к трем цукербринам. — М., 2014.
3. Пелевин, В. O.S.N.U.F.F.: Роман-утопия. — М., 2012.
4. Секацкий, А. Последний виток прогресса (От Просвещения к Транспарации). — СПб., 2012.
5. Тоффлер, Э. Третья волна. — М., 2010.

